

ИРКУТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна за годовое
изданіе: въ Ир-
кутскѣ—5 р., съ
пересылкою по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. на
Спасо-Лютер. ул.,
въ д. соборн. прич.

№

41.

ОКТ. 10

1892 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Распоряженія епархіальнаго начальства.—Епархіальное извѣстіе.—Отъ Правленія Иркутской духовной Семинаріи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Резолюціей преосвященнѣйшаго Макарія, епископа Селенгинскаго, отъ 10 сентября с. г., утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Бунской Трехсвятительской церкви казакъ Догъ-чинской станицы Максимъ Андреевъ Аршинскій на трехлѣтіе съ 10 сентября 1892 г. по 10 сентября 1895 г.

Гадалейскій священникъ Иннокентій Каллистовъ, согласно телеграммѣ, по резолюціи его высокопреосвященства, отъ 15 сентября сего года, переведенъ къ Большеокинской Ильинской церкви.

Миссіонеръ Улюнскаго Успенскаго стана, священникъ Юлій Писаревъ, согласно его прошенію, по резолюціи высокопреосвященнѣйшаго Тихона, архіепископа Иркутскаго и Нерчинскаго, отъ 13 сентября сего года, опредѣленъ къ Ново-троицкой Троицкой церкви помощникомъ къ отцу своему священнику Петру Писареву на одинъ съ нимъ доходъ.

Бывшій воспитанникъ Иркутской Учительской Семинаріи Димитрій Грудининъ, согласно его прошенію, резолюціей преосвященнаго Агаангела, епископа Киренскаго, отъ 17-го сентября с. г., — допущенъ къ исправленію обязанностей псаломщика при Манзурской Введенской церкви.

Послушникъ Иркутскаго Вознесенскаго св. Иннокентія монастыря и помощникъ учителя монастырскаго училища Михаилъ Поповъ, согласно его прошенію, резолюціей преосвященнаго Агаангела, епископа Киренскаго, отъ 17 сентября с. г., — опредѣленъ псаломщикомъ къ Косостепской Благовѣщенской церкви, съ возложеніемъ на него обязанностей учителя Косостепской церковно-приходской школы.

Окончившій курсъ воспитанникъ Иркутской Духовной Семинаріи Иннокентій Николаевскій, по рукоположеніи, высокопреосвященнѣйшимъ Тихономъ, архіепископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, 28 августа сего года во діакона, а 30 ч. того же мѣсяца во священника, назначенъ къ Мензенской Богородско-Базанской церкви.

Псаломщикъ и учитель Еланцинскаго миссіонерскаго стана Иннокентій Романовъ, по рукоположеніи преосвящен-

нѣйшимъ Агаѳангеломъ, епископомъ Киренскимъ, 20 августа с. г. во діакона, назначенъ къ Еланцинской миссіонерской Покровской церкви.

Діаконъ Косостепской Благовѣщенской церкви Николай Корюховъ, согласно его прошенію, по резолюціи высокопреосвященнѣйшаго Тихона, архіепископа Иркутскаго и Нерчинскаго, отъ 7 Сентября сего года, опредѣленъ на праздное псаломщическое мѣсто къ Заложной миссіонерской Иннокентіевской церкви.

Опредѣленіемъ Иркутскаго епархіальнаго начальства, состоявшимся на 23 сентября с. г., утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Нижнеилимской Покровской — крестьянинъ Черемновскаго селенія Дмитрій Спиридоновъ Черемныхъ; къ Тубинской Кирико-Іулитской церкви — крестьянинъ Борабейниковскаго селенія Павелъ Павловъ Голубевъ и попечителемъ къ той-же Тубинской церкви, крестьянинъ Дмитрій Васильевъ Говоринъ, на трехлѣтіе съ 1 января 1893 года по 1 января 1896 года.

Псаломщики: Иркутской гражданской Кузнецовской домовой больничной церкви — Ѳеодоръ Щаповъ и Кудинской Свято-Троицкой церкви — Прокопій Кадниковъ, согласно ихъ прошенію, по резолюціи его высокопреосвященства, отъ 15 сего сентября, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

ЕПАРХІАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

30 августа с. г., волею Божіей умеръ съ полнымъ христіанскимъ напутствіемъ священникъ Большеокинской Ильинской церкви Петръ Кирилловъ Корнаковъ, 64 лѣтъ.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ИРКУТСКОЙ ДУХОВН. СЕМИНАРІИ.

Алфавитный списокъ учениковъ, вошедшихъ въ составъ 1-го класса

Иркутской духовной Семинаріи на 1892—93 учебный годъ.

1., Алексѣевъ Иванъ	20., Пляскинъ Николай
Аванасьевъ Димитрій	Пономаревъ Иннокентій
Аванасьевъ Сергѣй	Пономаревъ Николай
Бенкогеновъ Илья	Поповъ Никодимъ
5., Бенкогеновъ Θεоктистъ	Преловскій Михайль
Булгаковъ Петръ	25., Репьевъ Николай
Винокуровъ Михайль	Селянинъ Александръ
Вологодскій Иванъ	Сивцевъ Димитрій
Кокоулинъ Веніаминъ	Словцовъ Владиміръ
10., Корелинъ Иванъ	Стуковъ Константинъ
Кропачевъ Викторъ	30., Стуковъ Николай
Бузнецовъ Иннокентій	Тарасенко Павелъ
Ларевъ Евгенийъ	Тараторинъ Николай
Литвинцевъ Михайль	Торгонскій Михайль
15., Можаровъ Александръ	Тыжновъ Александръ
Небольсинъ Михайль	— 35., Холмовскій Иванъ
Непряхинъ Хрисанфъ	Чулковъ Иннокентій
Николаевскій Евгенийъ	Шастинъ Θεодоръ
Писаревъ Николай	38., Шехурдинъ Димитрій.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

Октяб. 10 № 41. 1892 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Афанасій Прокопьевичъ Шаповъ и Алексій Александровичъ Бобровниковъ, бакалавры Казанской Духовной Академіи, изъ воспитанниковъ Иркутской Духовной Семинаріи.—Епархіальная хроника.—Изъявленіе благодарности.

Афанасій Прокопьевичъ Шаповъ и Алексій Александровичъ Бобровниковъ, бакалавры Казанской Духовной Академіи, изъ воспитанниковъ Иркутской Духовной Семинаріи.

(Изъ исторіи Казанской Духовной Академіи профессора П. В. Знаменскаго).

(Продолженіе).

Первая, начальная фаза историческаго развитія его въ такомъ народническомъ направленіи выразилась, насколько это было возможно при его студенческомъ положеніи, въ его магистерской диссертациі: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII“*). Публика встрѣтила это сочиненіе очень сочувственно,

*) Начало этого сочиненія напечатано въ Пр. Соб. 1857 г. III, 296, IV, 857. Затѣмъ въ 1858 г. оно издано въ Казани отдѣльной книгой книгопродавцемъ Дубровинымъ, а въ 1859 г. во второй разъ.

такъ что въ два года (1858 и 1859) потребовалось два его изданія; свѣтская критика нашла, что въ немъ въ первые высказанъ въ печати не близорукій, а разумный взглядъ на расколъ, хотя и не новый для передовыхъ людей науки и литературы*). Взглядъ этотъ состоялъ въ томъ, что расколъ выставленъ былъ авторомъ не съ одной только противодерковной его стороны, какъ онъ выставлялся всегда доселѣ, а какъ широкій народный протестъ противъ современнаго ему состоянія и церкви, и государства, и общества. Студентъ Шаповъ не старался еще здѣсь оправдывать расколъ, какъ дѣлалъ это послѣ, напротивъ осуждалъ его, какъ партію представителей церковной отсталости и коснаго невѣжества, не понявшаго благотворнаго, просвѣтительнаго и исправительнаго движенія въ церкви и въ государствѣ, тѣмъ не менѣе, при обрисовкѣ предметовъ народного протеста, въ сочиненіи его сильно досталось и византизму, и бюрократіи, и боярству. Начальство было недовольно сочиненіемъ, но съ нѣкоторымъ колебаніемъ пропустило его и дало автору степень магистра. Еще болѣе оказалось недовольнымъ высшее начальство. Въ 1859 г., когда книга Шапова вышла уже вторымъ изданіемъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. А. П. Толстой, на основаніи сообщенныхъ ему свѣдѣній объ ней, нашелъ, что она изображаетъ одну темную сторону нашей древней церковной жизни и приводитъ къ такому ложному и опасному заключенію, что сама церковь породила расколъ, и просилъ

*) См. статью объ немъ Н. Некрасова во II т. Лѣтописей литературы Тихонравова.

м. Филарета посовѣтовать, что съ ней дѣлать. Митрополитъ поручилъ А. В. Горскому написать на нее рецензію и, препроводивъ послѣднюю къ оберъ-прокурору, высказалъ мнѣніе, что книгу не слѣдуетъ допускать до новаго изданія безъ разсмотрѣнія въ академической конференціи *). Въ третій разъ книга дѣйствительно не выходила въ свѣтъ. А между тѣмъ либеральная критика **) нашла, что въ этомъ опасномъ сочиненіи оставалось еще слишкомъ много старыхъ церковныхъ взглядовъ на расколъ и что изъ подъ ея либеральныхъ фразъ слишкомъ ясно выглядываетъ старый семинаристъ. Критика эта больно задѣла Шапова и заставила бросить послѣдніе остатки церковныхъ понятій о расколѣ, встать въ своихъ воззрѣніяхъ на противоцерковный и противогосударственный протестъ раскола исключительно на народнической точкѣ зрѣнія, что онъ и сдѣлалъ въ извѣстной горячей брошюрѣ своей: „Земство и расколъ“ (Спб. 1862), и въ статьѣ „Бѣгуны“ (Время 1862, к. 10 и 11).

Московскій ученый, писавшій отзывъ о книгѣ Шапова по порученію м. Филарета, нашель у автора отсутствіе исторической критики, „дѣтское довѣріе“ къ сомнительнымъ источникамъ, общія заключенія изъ немногихъ фактовъ, крайнія воззрѣнія „ученическаго“ характера. Шаповъ дѣйствительно не былъ спокойнымъ и осторожнымъ книжнымъ ученымъ, — разбирать его съ этой стороны даже невозможно и незаконно; это былъ не

*) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета. М. 1886. т. IV, стр. 540 — 544.

**) „Что иногда открывається въ либеральныхъ фразахъ“, Добролюбова. Современникъ 1859 г. кн. 9, стр. 37—58.

историкъ, а профессоръ-поэтъ, задачей котораго было не ученое изслѣдованіе фактовъ исторіи, а пропаганда своего народнаго историческаго идеала и живое истолкованіе или точнѣе — воспроизведеніе исторической жизни народа въ художественныхъ и прочувствованныхъ образахъ и картинахъ. Мы говоримъ теперь о Шаповѣ первоначальномъ, какимъ онъ былъ въ періодъ своей первой академической службы, пока не втянулся въ погубившую его и непосильную для его полного практическаго невѣдѣнія публицистическую и политическую дѣятельность. Количество фактовъ для него мало имѣло значенія, не нужна была ему и специальная, кропотливая критика этихъ фактовъ; — какъ поэту, человѣку сильнаго синтеза и творческой фантазіи, ему достаточно было увидеть только одинъ-два факта, схватить даже одинъ намекъ на извѣстную сторону минувшей жизни, чтобы затѣмъ уже чутьемъ угадать другія характерныя ея черты и разомъ воспроизвести ее въ яркой и кричащей картинѣ, мало того, — самому проникнуться этою жизнью, чувствовать ее, волноваться ею и волновать другихъ. По временамъ его историческое ясновидѣніе доходило до изумительной степени и задолго предупреждало результаты серьезно-историческихъ изысканій даже его собственныхъ; студенты, слышавшіе отъ него его мечтанія о будущихъ трудахъ и обычные закидыванія мыслей впередъ, имѣли случаи часто убѣждаться въ томъ.

Поэтическое и притомъ нервное одушевленіе не покидало его и во время скучнаго процесса первоначальнаго изученія фактовъ, и во время изложенія ихъ

на бумагѣ, и при передачѣ съ кафедры. Онъ постоянно волновался и горѣлъ своимъ поэтическимъ огнемъ; нужно удивляться крѣпости его натуры, которая могла выдерживать это своеобразное прожиганіе жизни, соединенное притомъ же и съ прожиганіемъ ея въ общепринятомъ смыслѣ. Быстро перешевыривая страницы Актовъ или Соловецкой рукописи, онъ сейчасъ же нападалъ на нужные ему факты, немедленно поражался ими и захватывалъ ихъ въ свой не только головной, но и сердечный складъ, запоминая не только мысли, сюжеты, но и характерныя фразы ихъ, затѣмъ при работѣ имѣлъ ихъ все уже въ полномъ своемъ распоряженіи, живо ихъ отыскивалъ въ книгѣ и вносилъ въ свою рукопись. Писалъ онъ горячо, лихорадочно, до изнеможенія, не обращая вниманія ни на обстановку своего писанья, ни на свою позу, ни на мѣсто, ни на время, имѣя въ виду только одно—высказаться, записать, что задумано. Его поэтическое созданіе мучило его,—его непременно нужно было выразить, изложить и кому нибудь прочитать. „Засядеть, бывало. рассказываетъ Н. Я. Аристовъ (стр. 33—35), за работу около стола, на какомъ лежитъ менѣ книгъ, и строчить безъ устали на сѣрыхъ четвертинкахъ бумаги до глубокой ночи, прихлебывая наскоро холодный чай изъ стакана и попыхивая сигару. Для справокъ постепенно переносилъ онъ книги и рукописи въ такомъ количестве, что на этомъ столѣ не оставалось мѣста, гдѣ писать. Тогда онъ переходилъ къ другому столу и сюда мало по малу переносилъ ворохъ книгъ; затѣмъ присаживался къ окну,—и здѣсь повторялась

таже исторія“. Квартира его вся была завалена книгами и бумагами въ величайшемъ безпорядкѣ; всѣ книги были открыты. Онъ однако живо разбирался въ этомъ хламѣ и сейчасъ находилъ, что ему было нужно. Писалъ онъ необычайно быстро и крайне неразборчиво, торопясь и никакъ не поспѣвая перомъ за своей мыслью и фантазіей. Четвертинки одна за другой отбрасывались на полъ, исписанныя кругомъ, пока доставало бумаги, которой авторъ не догадывался запастись. Потомъ онъ начиналъ вырывать бѣлые листы изъ книгъ; потомъ, исписавъ и ихъ, посылалъ своего Гаврилу къ студентамъ, чтобы прислали бумаги, „пока огонь горитъ въ крови“.

Чтеніе лекцій производилось имъ также, какъ и писаніе ихъ. Захвативъ пачку исписанныхъ четвертинокъ, онъ бѣжалъ въ аудиторію сообщить написанное въ поспѣхахъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своей восторженной работы. Самъ увлеченный содержаніемъ лекціи, онъ читалъ ее быстро, захлебываясь отъ волненія, спѣша поскорѣе ознакомить съ нею своихъ слушателей; безъ привычки трудно было и разбирать его скорую рѣчь, но на нѣсколько привычную аудиторію эта одушевленная, даже сентиментальная и, при всей быстротѣ, пѣвучая и красивая скороговорка дѣйствовала увлекающимъ образомъ. Слушатель не успѣвалъ опомниться, какъ подхватывался подъ обѣ руки и невольно уносился вмѣстѣ съ своимъ профессоромъ, куда послѣдній увлекалъ его въ своемъ духъ захватывающемъ полетѣ. При такой манерѣ чтенія Шаповъ въ одну лекцію, прочитывалъ столько, сколько другому хватило-бы на три длинныхъ лекціи. Отъ того, при всей быстротѣ

писанія этихъ лекцій, онъ не могъ изготовлять ихъ въ достаточномъ количествѣ на всѣ свои часы, долженъ былъ часто прибѣгать къ импровизаціи или вовсе не являться въ классъ. Импровизація его впрочемъ мало отличалась отъ писанной лекціи, только чаще вдавалась въ эпизоды, разводилась разными чувствованіями и чаще перебѣгала съ одного предмета на другой; по откровенности, большей простотѣ и задушевности она была даже лучше заготовленнаго заранѣе чтенія, всегда отзывавшагося у Шапова нѣкоторымъ отбѣнкомъ риторизма. Какъ поэтъ, Шаповъ часто вставлялъ въ свои лекціи стихи любимыхъ поэтовъ, — Толстаго, Некрасова, Шевченко, которые придавали его чтенію еще большій поэтический колоритъ. Лекцій онъ пропускалъ множество, гораздо болѣе половины, но студенты извиняли ему это, зная, какъ трудно было писать ему эти длинныя и совершенно новыя по предмету лекціи, въ которыхъ онъ являлся первымъ пионеромъ новой разработки своего предмета, и высоко цѣня то, что онъ успѣвалъ для нихъ наработать. Извинялось ему и то, что въ чтеніяхъ своихъ, какъ человѣкъ впечатлительный, увлекающійся, онъ не слѣдовалъ своей программѣ систематически, а перебѣгалъ отъ предмета къ предмету и отъ одного періода исторіи къ другому, смотря по тому, что его занимало и увлекало въ данное время, по случаю ли составленія имъ въ это время статьи въ Прав. Собесѣдникъ, или по поводу только лишь добытой и прочитанной новой книги.

При всѣхъ недостаткахъ, какіе можно было находить въ его лекціяхъ съ ученой точки зрѣнія, онѣ имѣли сильное и хорошее вліяніе на студентовъ съ образовательной стороны. Русской исторіей занимались при немъ почти всѣ студенты поголовно. Шаповъ не давалъ имъ спеціальной разработки этой науки, но онъ пріохочивалъ ихъ къ ней и давалъ руководительныя нити и тонъ къ ея изученію. Каждая его лекція была общою картиною и комментариемъ какого нибудь болѣе или менѣе важнаго и обширнаго историческаго вопроса или круга фактовъ, общимъ руководительнымъ очеркомъ, фономъ, по которому болѣе полную картину предоставлялось создавать уже самому студенту. Въ такихъ именно общихъ руководительныхъ очеркахъ студенты и нуждались; спеціальное изученіе фактовъ для нихъ было уже дѣломъ времени, надобности и охоты. Замѣчательно, что въ это время, время пока только еще перваго подъема русской исторической науки въ новомъ, болѣе свободномъ ея направленіи, сама историческая литература большею частію состояла изъ такихъ же общихъ историческихъ очерковъ; и очерками этими любили заниматься тогда не одни мелкіе и начинающіе историки, но и такіе спеціалисты русской исторіи, какъ С. М. Соловьевъ. Это было преимуществу время высказыванія общихъ взглядовъ на цѣлыя группы фактовъ, особенно такихъ взглядовъ, которыхъ прежде нельзя было и касаться.

Первый курсъ А. П. Шапова (1856—1858 г.) былъ по русской церковной исторіи. Онъ затѣялъ этотъ курсъ въ совершенно народномъ направленіи. Первая лекція

его, изъ которой онъ послѣ въ 1857 г. составилъ свою актовую рѣчь: „Православіе и русская народность“, обѣщала выдвинуть въ исторіи церкви на первый планъ развитіе русской религіозности и церковности въ жизни самого народа и въ тѣснѣйшей связи съ русской народностью. Въ исполненіе этого обѣщанія за нею дѣйствительно послѣдовалъ цѣлый рядъ лекцій о религіозной и нравственной жизни древне-русскаго народа и о влияніи на нее христіанства. Послѣ краткаго обзора источниковъ науки Щаповъ началъ этотъ рядъ лекцій съ изученія языческаго времени славяно-русской жизни и представилъ очень живой очеркъ славянской міеологіи, который послѣ въ 1860 г., при повтореніи того же курса, значительно восполнилъ и усовершенствовалъ. За этимъ очеркомъ слѣдовалъ рядъ очерковъ славяно-русскаго двоевѣрія и христіанскаго міросозерцанія русскаго народа, которые въ передѣланномъ видѣ вошли въ составъ нѣсколькихъ печатныхъ его статей о томъ же предметѣ. Одна изъ лекцій этого же цикла: О просвѣщеніи и нравственности русскаго народа отъ XI до половины XV в., издана во II приложеніи къ книгѣ о Щаповѣ Н. Я. Аристовъ. Этимъ и закончился систематическій кругъ его лекцій, продолжавшійся съ перерывами всего одно только первое полугодіе. Со втораго полугодія лекціи пошли отрывочно и безъ порядкаи съ частыми перерывами, особенно же на второмъ году курса, когда преподаватель сталъ усиленно работать для Собесѣдника. До напечатанія своихъ статей онъ всѣ ихъ предварительно читалъ въ аудиторіи; кромѣ нихъ, знакомилъ студентовъ съ разными памятни-

ками, на которые натѣкался въ библіотекѣ, сопровождая ихъ комментаріями; занятія житіями вызвало съ его стороны нѣсколько лекцій о значеніи древнихъ монастырей для просвѣщенія народа и для русской колонизаціи, особенно сѣвернаго поморья. Изъ древней Руси онъ переметывался въ XVIII в. и рисовалъ состояніе за это время духовныхъ школъ. Много времени ушло у него еще на чтеніе цѣликомъ разныхъ отдѣловъ о состояніи русской церкви въ XVII и XVIII в. изъ книги Русскій расколъ старообрядства и на чтеніе съ импровизованными прибавленіями Исторіи русской церкви Филарета. Такъ и прошелъ весь первый двухгодичный курсъ науки съ далеко не выполненной программой, которая была обѣщана въ началѣ. Но, хотя она и не была выполнена, направленіе и характеръ ея содержанія и приемовъ обозначились совершенно достаточно для того, чтобы студенты поняли, въ чемъ дѣло, и могли сами при случаѣ восполнить то, чего не успѣлъ сдѣлать преподаватель; новая струя проникла въ ихъ историческое образованіе и прошла послѣ того по всѣмъ ихъ собственнымъ трудамъ по предмету церковной русской исторіи. Черезъ два года, когда Щанову пришлось снова читать эту же науку, въ теченіе перваго учебнаго полугодія въ 1860 г. и начала втораго въ 1861 г., онъ значительно усовершенствовалъ прежнія свои лекціи о языческомъ и христіанскомъ міросозерцаніи русскаго народа и восполнилъ ихъ рядомъ новыхъ лекцій о земскомъ значеніи древняго духовенства и участіи его въ земскихъ дѣлахъ, въ частности на земскихъ соборахъ.

Второй курсъ А. П. Шапова въ 1858—1860 гг. былъ по русской гражданской исторіи. Этотъ курсъ его больше интересовалъ, чѣмъ первый, и онъ усиленно надъ нимъ работалъ, хотя по классу былъ еще не исправнѣе, чѣмъ прежде. Въ это именно время были выработаны имъ всѣ основныя его историческія начала и воззрѣнія, — и пресловутое начало областности, съ которымъ онъ приступилъ къ чтенію русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ, и взглядъ на значеніе колонизаціи въ исторіи народной жизни, и основныя мысли о земскомъ строѣ въ древней Руси, изъ которыхъ послѣ создалась его политическая утопія о земской демократической конституціи. Обширная программа по русской исторіи, съ которою онъ явился въ 1860 году въ университетъ, была выработана имъ по всѣмъ своимъ частямъ тоже еще въ академіи, хотя въ лекціяхъ и выполнялась только урывками и набѣгами. Здѣсь же написана была и прочитана въ видѣ лекцій большая часть его произведеній, печатавшихся послѣ въ Вѣстѣ, Отечественныхъ Запискахъ и Русскомъ Словѣ; онъ только испортилъ ихъ для печати разными вставками и поправками въ духѣ своей позднѣйшей тенденціозности.

(Окончаніе послѣдуетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Въ Пятницу. 20 Октября. Божественную Литургію и чтеніе Акаѣста Божіей Матери въ Крестовой архіерейской церкви совершалъ высокопреосвященнѣйшій Тихонъ въ сослуженіи мѣстнаго причта.

Въ Субботу 3-го Октября, въ десять съ половиною часовъ

утра, высокопреосвященный Тихонъ, послѣ напутственнаго молебствія, при колокольномъ звонѣ въ городскихъ церквахъ, отбылъ изъ г. Иркутска по заангарскому тракту для обозрѣнія миссіонерскихъ становъ Балаганскаго округа.

ИЗЪЯВЛЕНІЕ БЛАГОДАРНОСТИ.

Прічтъ и староста Оекской Успенской церкви, считаютъ священнымъ долгомъ выразить бывшему псаломщику сей церкви, діакону Николаю Иннокентьевичу Шастину, искренній-шую благодарность за личное его пожертвованіе, и весьма значительное, Оекскому храму священническими облаченіями и различными вещами, а еще болѣе за расположеніе къ пожертвованію извѣстной благотворительницы храмовъ полного священническаго и діаконскаго облаченій, стоящихъ не менѣе 350 рублей.

Имя же благочестивой благотворительницы, къ сожалѣнію, назвать не можемъ, не имѣя на то документальныхъ основаній; но смѣемъ увѣрить, что имя сей боголюбивой благотворительницы и имена присныхъ ея не будутъ забвенны въ нашихъ грѣшныхъ молитвахъ прѣдъ Престоломъ Царя милости и щедротъ.

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей Аванасій Виноградовъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, ректоръ Иркутской Духовной Семинаріи Архимандритъ Никодимъ. 8 Октября 1892 г.

Иркутскъ, 1892 г. Типографія А. А. Сизыхъ, Больш. ул., д. Милерскаго.